

Рис. 6. Пятая сцена на нижнем фризе. Жена Ликомеда с дочерьми и няней.

Л. Ю. ПОНОМАРЕВ

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В настоящее время на Керченском полуострове известны десятки салтовских поселений и могильников [Баранов 1990, рис. 1; Пономарев 2001а, с. 116-121]. К сожалению, последние крайне редко становились объектом целенаправленного изучения. Широкую известность среди ученых-медиевистов получил лишь раннесредневековый некрополь у городища Тиритаки, опубликованный Ю.Ю.Мартин еще в 1941 г. Однако, за последние десятилетия были исследованы и многие другие погребальные памятники этого времени, но материалы их раскопок, за редким исключением, пока еще не публиковались в полном объеме. Введение их в научный оборот несомненно позволит нам конкретнее проследить этнокультурные и религиозные процессы, протекавшие в Восточной Таврике в эпоху раннего средневековья.

Анализ исследованных на сегодняшний день могильников позволяет утверждать, что во второй половине VIII-IX вв. на Керченском полуострове преобладали захоронения совершенные в плитовых могилах. Впервые они были выявлены в 1932 г. Ю.Ю.Мартин на юго-восточной окраине античного городища Тиритаки, на руинах которого, как и на многих других античных памятниках Европейского Боспора, существовало салтово-маяцкое поселение [Мартин 1941, с. 31-36]. В послевоенные годы на этом же городище, но на этот раз уже на его северо-восточной окраине, была обнаружена еще одна плитовая могила [Гайдукевич 1958, с. 165]. В настоящее время география этого рода погребальных сооружений более обширна. Они выявлены на побережье Азовского моря у с. Золотое [Масленников, Бердникова 1977, с. 333] и на мысе Зюк [Масленников 1992, с. 167]; в районе античного городища у с. Михайловка [Петерс 1985, с. 26; Ольховский, Петерс 1991, с. 151-158]; в с. Новониколаевка [Холодков 1984, с. 20]; на территории античного городища Нимфей [Грач 1989, с. 67]; у с. Осовины [Зинько 1994а, с. 39-40] и в окрестностях пос. Героевское – могильник Эльтиген-I [Зинько, Пономарев 2000, с. 190; Пономарев 2001б, с. 106-107]. Возможно к этому же времени можно отнести ограбленные современными мародерами, плитовые могильники на хребте «Большой вал» (побережье Азовского моря), а также у сел Белинское и Пташкино. Эти могильники еще не подвергались раскопкам, однако на их раннесредневековую дату указывают конструкция могил, материал из грабительских перекопов и обнаруженные рядом с ними салтовские поселения.

Поскольку подробно материалы раскопок этих могильников еще фактически не публиковались, будет уместным дать краткое описание обнаруженных на них погребальных сооружений.

Плитовые могилы представляли собой прямоугольные и трапециевидные в плане каменные ящики перекрытые тремя или четырьмя известняковыми плитами. Сооружались они обычно из массивных и хорошо обработанных блоков. Исключение составляли погребения младенцев, для которых зачастую использовали любые попавшиеся под руку камни. При сооружении могил предпринимались меры для предотвращения их деформации и разрушения. Пространство между плитами и земляными бортами могильной ямы заполнялось утрамбованным суглинком с камнями, а в торцевых плитах вырубали вертикальные фиксирующие пазы. С этой же целью внутреннее пространство могилы, после того как в нее был уложен покойник, заполнялось землей. Иногда с внутренней стороны торцевых плит у изголовья погребенного вырубались неглубокие арковидные ниши. Их удалось выявить на могильниках у городища Тиритаки, с. Михайловка, пос. Героевское, а также в Керчи на некоторых могилах некрополя церкви Иоанна Предтечи [Марти 1941, рис. 44; Ольховский, Петерс 1991, рис. 1,3-5; Макарова 1998, рис. 16]. За пределами Керченского полуострова конструктивно аналогичные плиты известны только в юго-восточной Таврике на могильнике Судак-VI [Майко, Фарбей 1995, рис. 2,3].

Могилы содержали одиночные и многократные захоронения. Практически все они были совершены по христианскому обряду. Умершие находились в вытянутом положении на спине, головой на запад с характерным для Крыма отклонением на юг. Руки располагались вдоль туловища, а иногда были сложены в области таза или на плечах. Прослеживались и комбинированные варианты положения рук. В некоторых случаях в позе погребенных были зафиксированы существенные отклонения от норм христианского погребального обряда. Так на Михайловском могильнике некоторые погребенные располагались головой на юг [Ольховский, Петерс 1991, рис. 1,1,2; 2,2]; на Тиритацком – головой на восток [Марти 1941, с. 32-33, мог. 5], а на Осовинском – на северо-восток [Зинько 1994а, с. 39, рис. 156]. Интересно отметить, что все эти варианты мы находим и на городском некрополе Боспора [Блаватский 1962, с. 33-37; Блаватский 1956, с. 117-118].

Погребальный инвентарь был немногочисленным и сопровождал, как правило, женские и детские погребения. Среди находок, помимо широко распространенных в Северном Причерноморье перстней с плоским щитком и проволочных сережек, преобладали салтовские украшения и амулеты: перстни со стеклянной вставкой закрепленной крестообразно расположенными лапками, квадратные пирамидальные в сечении ворворки, колодки для подвешивания бус в виде перевитого стержня с тремя отверстиями, рифленные бубенчики, проволочные серьги с одним или двумя дисками-пронизками, серьги со сложной подвеской из серебряных шариков и стеклянных пронизей, серьги с литой фигурной подвеской, перстни с дисковидной жуковиной, амулеты-печатки и амулеты-подвески в виде козлов и скачущих лошадок [Марти 1941, рис. 42,45-48; Ольховский, Петерс 1991, рис. 1,6-9; Масленников 1992, рис. 17,10-14]. Все эти предметы находят массовые аналогии среди погребального инвентаря раннесредневековых могильников Крыма и Подонья [Веймарн, Айбабин 1993; Баранов 1990, рис. 44,48; Плетьева 1981, рис. 36,37; Березовец, Пархоменко 1986, с. 220, рис. 51] и

датируются второй половиной VIII-IX вв. [Айбабин 1993, с. 124-130, рис. 2; Айбабин 1999, табл. XXXIII]. Таким образом плитовые могильники Керченского полуострова вероятнее всего принадлежали племенам булгар второй миграционной волны, которые в середине VIII в. плотно заселили восточнокрымские степи [Айбабин 1999, с. 200, 202; Баранов 1990, рис. 1]. С этим вполне согласуются данные исторической топографии – рядом с каждым могильником было выявлено синхронное ему салтово-маяцкое поселение.

В Крыму в среду булгар стало активно проникать христианство, что в конечном итоге привело к значительным изменениям в их мировоззрении. Традиционные для них языческие верования, культы и обряды трансформировались и постепенно стали вытесняться новой идеологией. Укрепление позиций христианской церкви способствовало и унификации погребальных обрядов, что по мнению большинства исследователей выразилось в появлении и массовом распространении плитовых могильников [Кропоткин 1959, с. 193; Гадло 1969, с. 10-14; Айбабин 1993, с. 130]. Христианскую принадлежность плитовых могил наглядно иллюстрируют изображения крестов. Один из них был высечен на торцевой плите могилы обнаруженной на северо-восточной окраине Тиритаки [Гайдукевич 1958, с. 165], а два других на плитах могилы № 2 исследованного нами могильника Эльтиген-I [Пономарев 2001б, с. 106-107] (рис. 1).

В то же время до окончательной победы христианской идеологии на полуострове было еще далеко. Стихийно складывавшиеся у булгар на протяжении многих столетий языческие верования и культы оказывали ей сильное сопротивление. Соответственно и мировоззрение булгар носило еще нерасчлещенный, синкретический характер. Все это не могло не отразиться на погребальном обряде. Фактически на всех плитовых могильниках Керченского полуострова, в тех или иных проявлениях, прослеживаются языческие пережитки. Выше нам уже приходилось говорить о необычной для христиан ориентировке погребенных на юг, восток и северо-восток. С другим отголоском язычества – культом «мертвой» головы, вероятно связано почтительное отношение к черепу покойного, прослеженное в тех плитовых могилах, где захоронения совершались неоднократно. При повторном использовании могилы кости предыдущего покойника хаотично сдвигались к стенкам, в то время как череп аккуратно устанавливался рядом с головой следующего погребенного. С языческими обрядами были тесно связаны бронзовые амулеты-обереги в виде лошадок и козлов, обнаруженные на Тиритацком, Новониколаевском могильниках и в могиле на мысе Зюк [Албетова 2001, с. 95].

Несмотря на все возрастающую роль христианства у мигрировавших в Крым булгар, часть из них, по видимому, продолжала исповедовать веру предков, соответственно языческие обряды могли сохраняться не только в виде пережитков, но и в чистом виде. Такую ситуацию археологически нам удалось проследить на могильнике Эльтиген-I, где помимо плитовых могил в одном с ними горизонте находились грунтовые погребения, скелеты в которых были подвергнуты ритуальному разрушению [Пономарев 2001б, с. 106-107]. Могилы имели в плане овальную, «каплевидную» и «бобовидную» форму. Вдоль бортов в нижней их части или по уровню пола были уложены необработанные известняковые камни. Следов каких-либо деревянных конструкций – гробов или перекрытий выявлено не было. Все зачищенные в погребениях костяки были разрушены, а в некоторых случаях частично или полностью удалены за пределы

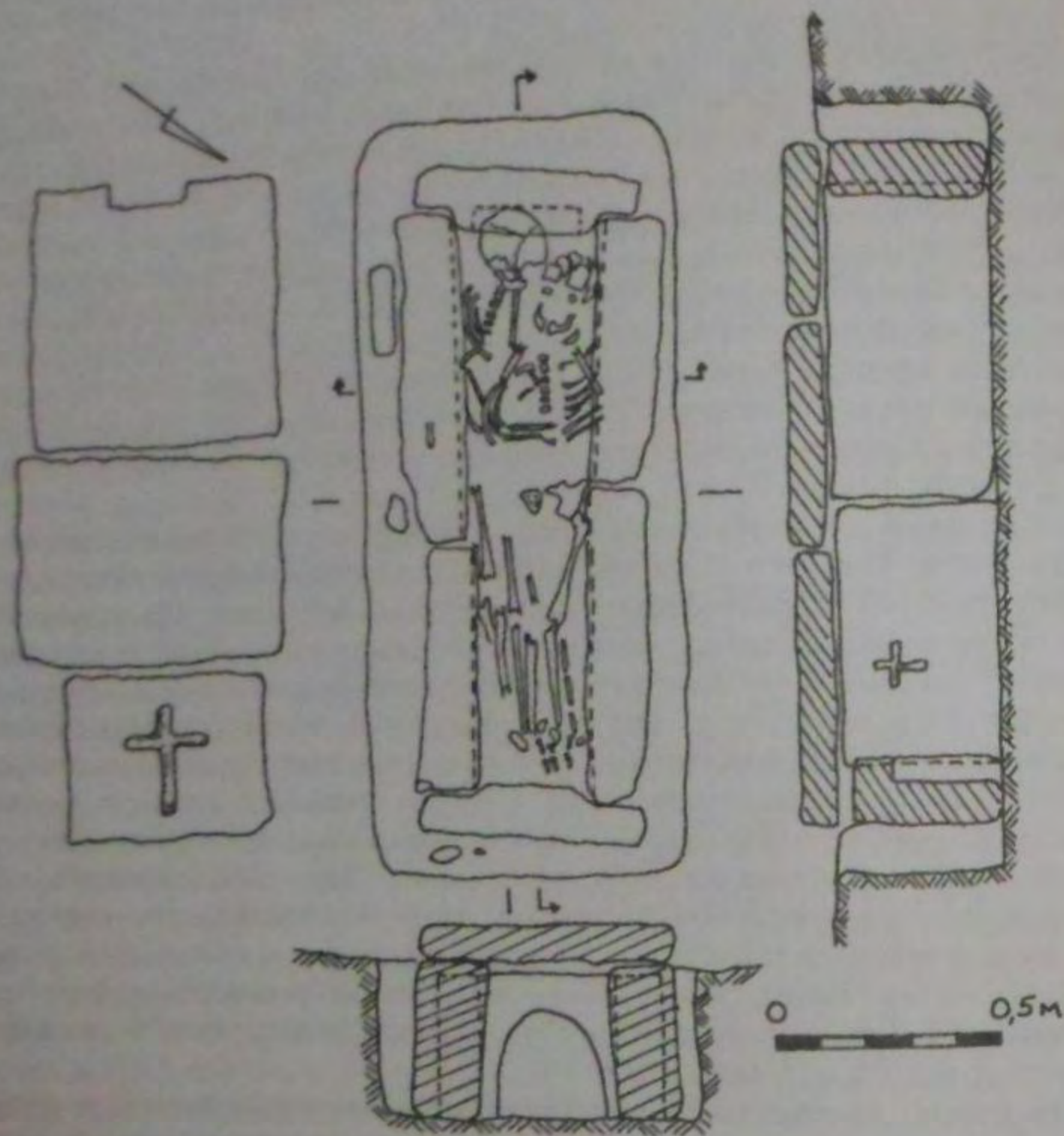

Рис. 1. Могильник Эльтиген-I. Могила 2.

могил. Тем не менее, отдельные сохранившиеся в анатомическом порядке кости позволили частично реконструировать изначальную позу погребенных. Они лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад с небольшим отклонением на юг (рис. 3). Положение рук восстановить не удалось, хотя отдельные наблюдения позволяют говорить о том, что они были вытянуты вдоль туловища. На дне некоторых могил под костными останками были зачищены прямоугольные в плане пятна органического тлена, вероятно остатки подстилок или ткани. Погребальный инвентарь оказался довольно скромным. В детском погребении № 15 была обнаружена проволочная серьга и сердоликовая бусина, а в могиле № 14 проволочная серьга с диском-пронизкой. Последняя позволяет датировать грунтовые могилы второй половиной IX в. [Айбабин 1993, с. 125, рис. 2,47].

Анализ погребального обряда показал, что во многих чертах, в частности в конструкции могил, изначальной позе и ориентировке погребенных, бедном инвентаре, он имеет сходство с обрядом захоронения на салтовских грунтовых могильниках Подонья, Таманского полуострова и Крыма [Плетнева 1967, с. 92-94; Плетнева 1981, с. 70; Сорокина 1969, с. 124-130; Баранов 1990, с. 117-128]. При этом прослеживаются отдельные, порой весьма существенные, отличия. Среди них можно отметить наличие каменных обкладов, полное отсутствие в могилах частей туш животных, а также салтовских сосудов и ойнохой крымского производства. Скорее всего, в совокупности, эти особенности можно рассматривать как локальный вариант болгарского погребального обряда, который мог сформироваться здесь под влиянием совершенно иного, чем в других районах их проживания, этнокультурного окружения.

Особого внимания заслуживает состояние останков погребенных. Как уже упоминалось выше, все костяки были разрушены или частично удалены за пределы могил. И хотя археологический материал, как правило, не позволяет в полном объеме реконструировать погребальные обряды, тем не менее отсутствие в засыпи могил следов грабительских перекопов, хорошая сохранность бортов и каменных обкладов, характер повреждений самих костяков убедительно свидетельствуют о том, что в данном случае мы столкнулись с обрядом обезвреживания погребенных. Этот обряд был широко распространен в рассматриваемое нами время среди алано-болгарских племен Подонья, болгар Подунавья, на Южном Урале и Северном Кавказе [Флеров 1993, с. 51-60; Флеров 1998, с. 523-538; Флеров 2000; Мажитов 1977, с. 106]. В Крыму наиболее выразительно он прослеживается на некрополе Мангупской базилики [Бармина 1995а, с. 35]. По мнению Н.И.Барминой, исследовавшей этот памятник, такие погребения могли быть оставлены народами —представителями салтово-маяцкой культуры, на что указывала также хазарская символика на надгробьях и оберегах [Бармина 1995б, с. 82-83; Бармина 2001, с. 6-7].

Обряд обезвреживания погребенных существовал с древнейших времен у многих народов и был тесно связан с их представлениями о загробном мире и душах умерших. Отношение к душе покойного всегда было двойственным. Ее почитали, но одновременно и испытывали перед ней страх. Этнографические параллели свидетельствуют о том, что этот страх был вызван верой в способность души человека после его смерти обрести демоническую силу и превратиться в злой дух, вредивший живым. Такие превращения можно было предотвратить только при помощи специальных ритуальных действий совершаемых над останками телесной оболочки покойного. Согласно другим

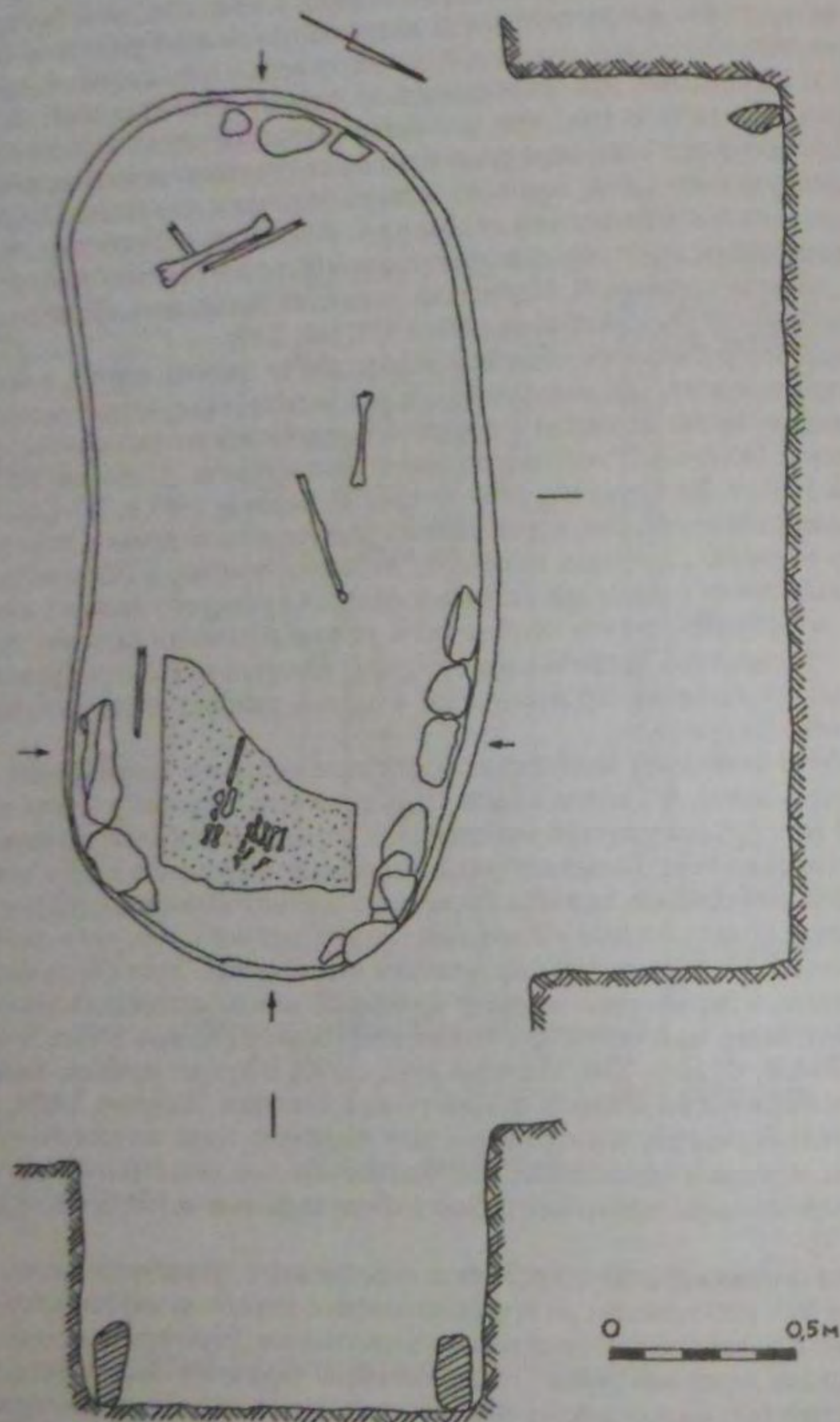

Рис. 2. Могильник Эльтиген-I. Могила 8.

представлениям, скелет подвергался разрушению, чтобы душа покойного не смогла вернуться в тело и таким образом найти обратную дорогу в мир живых. Так или иначе, обряд обезвреживания вызывался страхом перед покойными и был рассчитан на избавление общества от этих потенциальных носителей «потустороннего зла».

Способ обезвреживания на могильнике Эльтиген-I, как у многих народов в разные исторические эпохи, не отличался оригинальностью и сводился в основном к разрушению скелета или каких-то его частей (рис. 2; 3). Этот процесс осуществлялся при повторном вскрытии могилы спустя некоторое время после смерти человека, когда его мягкие ткани и связки уже подверглись гнилостному распаду. В пользу того, что скелет разрушали в могиле, а не в специально отведенных для этого местах, свидетельствуют сохранившиеся в нескольких могилах кости нижних конечностей, которые, в отличие от других частей скелета, располагались в анатомическом порядке. При совершении обряда в наибольшей степени страдали кости черепа и грудной клетки, которые нередко дробились на мелкие фрагменты. Такое внимание к ним объяснялось тем, что в представлениях многих народов именно они служилиместилищем души покойного. Изредка предпринимались дополнительные меры предосторожности. В могиле № 13 на кости были набросаны камни, а в других случаях они были вовсе удалены из погребений.

Как мы уже упоминали, выявленные на могильнике Эльтиген-I плитовые и грунтовые погребения были синхронными, на что прежде вешего указывали находки. В грунтовых могилах это серьга с диском-пронизкой второй половины IX в., а в плитовых аналогичное украшение и фрагмент высокогорлого кувшина с плоской ручкой, время появления которых датируется этим же временем [Сазанов 1994, с. 47]. Не противоречит этому и взаиморасположение могил, которые на исследованном участке некрополя не образовывали локальных групп. Соответственно можно утверждать, что в пределах одного коллектива, возможно даже группы родственников, которым принадлежал могильник, одновременно хоронили как по христианскому, так и языческому обряду. Таким образом мы столкнулись с наглядным проявлением веротерпимости, свойственным всему хазарскому обществу в целом, на что неоднократно обращали внимание многие ученые [Калинина 2001, с. 20].

Ритуальные нарушения целостности скелета были зафиксированы также на раннесредневековом могильнике у с. Осовицы* [Зинько 1994а, с. 37-38]. В грунтовой могиле № 2 было совершено захоронение юноши, который был обезврежен путем удаления его черепа за пределы погребения. Все остальные кости скелета находились в анатомическом порядке. Возможно, как это было отмечено на праболгарских могильниках VIII-X вв. в Северо-Восточной Болгарии [Флеров 1993, с. 56], череп впоследствии был перезахоронен в отдельной яме. С другой стороны, нельзя исключать, что он мог быть использован в иной обрядовой деятельности. В расположенной поблизости грунтовой могиле № 3 в анатомическом порядке сохранили только бедренные, большие и малые берцовые кости. Череп, ребра, позвонки и тазовые кости были перемещены к юго-западному борту могилы и сложены там друг на друга [Зинько 1994а, рис. 154].

В качестве еще одного примера обряда обезвреживания можно привести захоронение мужчины совершенное в грунтовой могиле обнаруженной на

* Приношу глубокую благодарность В.Н. Зинько за предоставленные материалы раскопок.

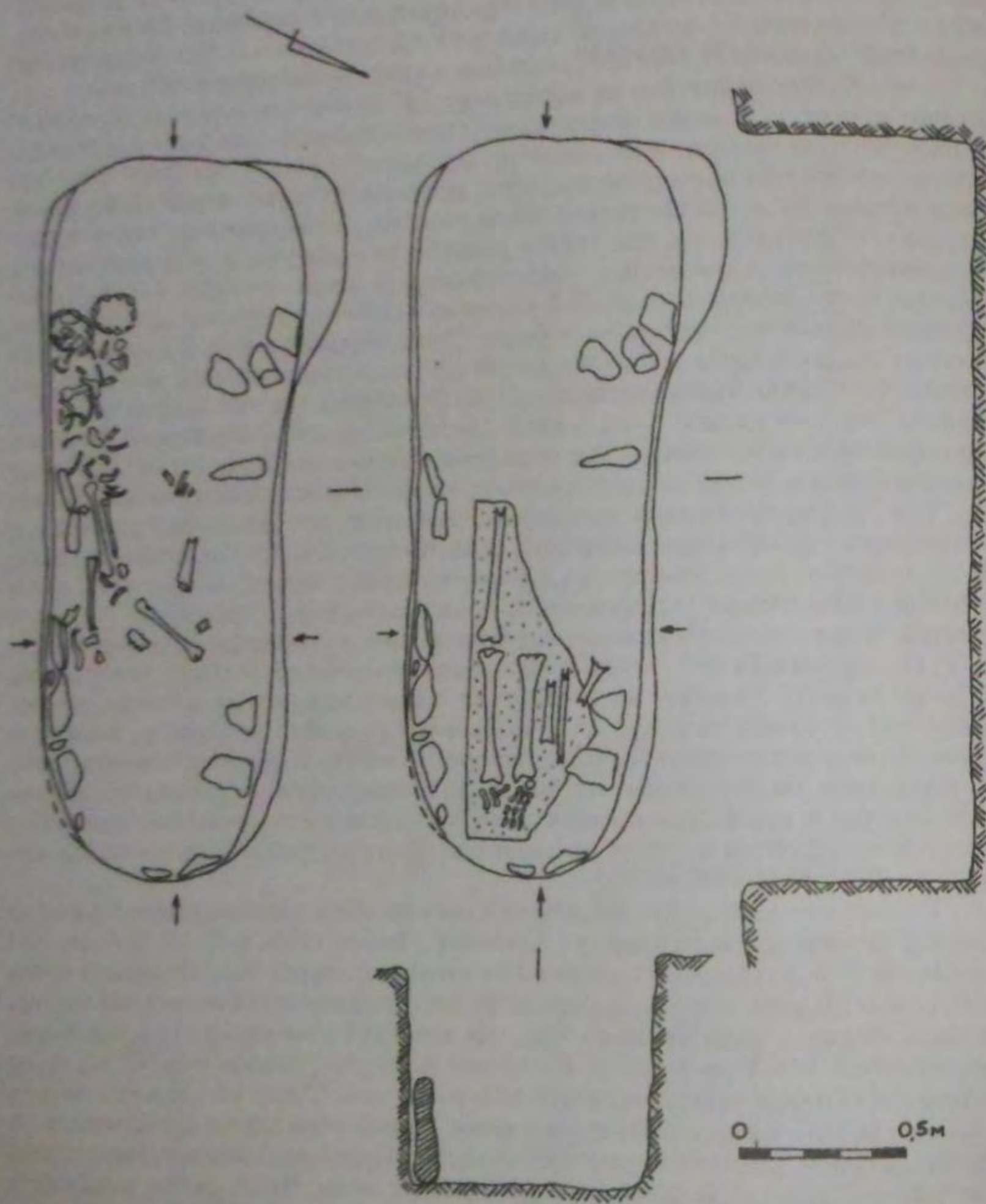

Рис. 3. Могильник Эльтиген-I. Могила 14 (верхний и нижний ярус).

территории салтово-маяцкого поселения Героевка-6 [Зинько 1997а, с. 41; Зинько, Пономарев 2000, с. 190-191, рис. 8,9]. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на восток. Одна рука была вытянута вдоль туловища, другая сложена в области груди. Кости скелета имели прекрасную сохранность и находились в анатомическом порядке. Исключение составили фаланги пальцев нижних конечностей и пяточные кости, которые были удалены за пределы могилы. Отсутствие ступней можно объяснить только их намеренной ампутацией у трупа еще до его захоронения. Такой способ обезвреживания неоднократно фиксировался на праболгарских могильниках VIII-X вв. в Северо-Восточной Болгарии [Флеров 1993, с. 56]. Известен он и на салтовском могильнике у поселения Тау-Китчак в Крыму [Баранов 1990, с. 115].

В связи с рассматриваемым обрядом определенный интерес представляет коллективное захоронение человеческих черепов, обнаруженное Ю.Ю. Марти поблизости от Тиритакского раннесредневекового некрополя [Марти 1941, с. 32, мог. 3]. Оно было совершено в грунтовой яме (1,7 x 2,0 м, глубиной от поверхности земли 2,5 м), где помимо человеческих черепов находились два черепа собаки, круглый каменный жернов и фаланга пальца с надетым на нее перстнем со стеклянной вставкой закрепленной крестообразно расположенными лапками-зажимами. Перстень позволяет отнести комплекс к кругу салтово-маяцких памятников и датировать второй половиной VIII – первой половиной IX вв. К сожалению не столь однозначно может быть решен вопрос о его характере и назначении. В своей публикации Ю.Ю. Марти трактует комплекс как могилу, что вряд ли приемлемо. Все данные и прежде всего уникальный состав находок, а также полное отсутствие аналогий в погребальной обрядности народов салтово-маяцкой культуры, указывают на то, что захоронение черепов скорее всего носило ритуальный характер [Пономарев 2001в, с. 30-31]. В рассматриваемом нами комплексе они несомненно несли важную идейную нагрузку. С этим вполне согласуются многочисленные археологические материалы свидетельствующие о глубокой древности, а также широком временном, географическом и этническом диапазоне верований и обрядов связанных с почитанием головы (черепа) человека. [Алекшин 1990, с. 38; Антонсва 1990, с. 43-49; Штернберг 1936, с. 303; Леви-Строс 1983, с. 167]. В представлениях многих народов голова была наделялась мощной жизненной и сакральной силой, что позволяло считать ее средоточием жизни [Носенко 1990, с. 108-109] и олицетворять с духом или божеством [Антонова 1979, с. 17-18; Алекшин 1994, с. 175]. Следовательно, многочисленные обряды с «участием» черепа, в т.ч. и их захоронения, скорее всего следует рассматривать как попытку живых использовать себе во благо приписываемые им сверхъестественные силу и свойства [Антонова 1979, с. 17-18; Алекшин 1990, с. 39].

Присутствие в исследуемом комплексе черепов собак было напрямую связано с тем особым местом, которое это животное занимало в различных культах и связанных с ними ритуалах. В погребальной практике ей отводилась роль проводника и защитника души покойного в потустороннем мире [Соколова 1972, с. 6; Крижевская 1990, с. 46]. В религиозно-мифологических представлениях земледельческих народов образ собаки-охранительницы имущества человека, в т.ч. полей и посевов, рассматривался как составная часть культа плодородия зерна и земли [Рыбаков 1965, с. 27; Рыбаков 1981, с. 207; Чибиров 1983, с. 100]. При совершении ритуалов,

связанных с поклонением божествам-покровителям земли и плодородия она могла выступать как жертвенное животное. В контексте таких ритуалов можно рассматривать захоронения собак обнаруженные в зерновых ямах на салтово-маяцких поселениях Приазовья, Подонья и Керченского полуострова [Флеров 1971а, с. 102; Флеров 1971б, с. 262; Флеров 1995, с. 89; Зинько 1995, с. 14, 48]. Иногда вместе с ними в такие ямы помещали амфоры и, что особенно представляется важным, жернова, которые как один из важнейших земледельческих атрибутов нередко использовались в ритуалах связанных с культом плодородия [Тульпе, Хршановский 1994, с. 108-109]. К этой же ритуальной группе памятников можно отнести и Тиритакский комплекс. Соответственно человеческие и собачьи черепа, наделенные магической силой и специфическими функциями в потустороннем мире, являлись своего рода жертвой принесенной божествам-покровителям земли и плодородия, за предоставленные или ожидаемые от них услуги. Жернов, в свою очередь, должен был акцентировать внимание на характере просьбы просителей и услуги, которое должно было оказать божество.

По всей видимости, аналогичный комплекс был исследован В.Ф.Гайдукевичем в верхних слоях северного участка античного городища Мирмекий. На глубине 0,6 м от современной дневной поверхности, вероятно на дне разрушенной ямы им были выявлены человеческий череп, известняковый жернов и фрагменты двух раннесредневековых амфор [Гайдукевич 1987, с. 165]. Однако исследователь интерпретировал эту группу находок как остатки разрушенного погребения.

К числу не менее интересных и уникальных для раннесредневекового Крыма погребальных памятников можно отнести плитовую могилу впущенную в насыпь кургана античного времени, расположенного на северной окраине поселения Героевка-2 [Зинько 1994б, с. 20; Зинько 1994в, с. 126]. Могила представляла собой обычный для раннехристианских некрополей каменный ящик, сооруженный из хорошо обработанных массивных плит. Несмотря на значительное повреждение костяка, удалось частично реконструировать позу погребенного. Он лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад с небольшим отклонением на юг. Рядом с могилой были зачищены два черепа лошади и пять черепов коров, составлявшие с ней единый погребально-ритуальный комплекс. К сожалению, отсутствие инвентаря не позволяет датировать погребение в узких пределах, но скорее всего его можно хронологически соотносить с раннесредневековым поселением Героевка-2, примыкавшего с юга к кургану [Зинько 1997б, с. 119-124]. Необычное расположение могилы и сопровождавшее погребенного жертвоприношение, на наш взгляд, отражают один из начальных этапов или один из вариантов проникновения христианства в языческую среду.

Еще одно впускное погребение эпохи раннего средневековья было выявлено в насыпи кургана, входящего в состав курганной группы Челядиново Восточное [Зинько 1998, с. 179, рис. 3, мог. 2]. К сожалению, оно было фактически полностью разрушено современным грабительским перекопом. Скорее всего это было детское погребение, совершенное в грунтовой яме, стенки которой были выложены известняковыми плитками. Костные останки и инвентарь отсутствовали. В этом же кургане была зачищена яма содержащая многочисленные фрагменты причерноморских амфор, салтово-маяцкой посуды, стеклянных рюмок, кости животных и куски пещины. В Крыму, насколько нам известно, подобные комплексы

не зафиксированы. Однако они часто встречаются в курганах хазарской эпохи и предшествующих времен на Нижнем Дону [см. лит.: Флерова 2001, с. 78]. Наличие подобных ям остается пока еще не совсем ясным, хотя возможно, что они были связаны с поминальной обрядностью. По крайней мере на Нижнем Дону выявлены ямы, как сопутствующие впускным раннесредневековым погребениям, так и не связанные с ними.

Завершая обзор погребальных памятников, нельзя не упомянуть о «кремационном захоронении» обнаруженном М.М.Кублановым на Илуратском подвизантичном некрополе в верхнем (раннесредневековом) горизонте склепа 19 [Кубланов 1976, с. 102-104]. На совершенное здесь трупосожжение, по мнению исследователя, указывали «зольные пятна-следы костров», образывавшие «сплошную кремационную площадку», закопченные стены и потолок склепа и несколько круглодонных амфор без горла, которые могли быть использованы в качестве урн. Амфоры (причерноморские - Л.П.) и найденный в этом же горизонте наконечник железной стрелы позволили М.М.Кубланову датировать «трупосожжение» VII-VIII вв. [Кубланов 1983, с. 124-125].

Если принять предложенную интерпретацию как верную, то такой погребальный комплекс несомненно внес бы существенные коррективы в наши представления об этнических процессах протекавших в Таврике в хазарское время. К примеру, можно было бы говорить о проникновении на полуостров небольших групп-носителей кремационного обряда, населявших периферийные районы Хазарского Каганата - бассейны Северского Донца, Кубань и Черноморье [Пьянков, Тарабанов 1996, с. 61-64].

Однако тщательный анализ археологического материала, полученного в ходе раскопок склепа, позволяет усомниться в том, что в его камере было осуществлено трупосожжение. Во первых, для полного сожжения трупа человека необходимо 2 кг древесины на 1 кг массы тела покойного [Шупик 1989, с. 84-86]. При этом на поверхности кремационной площадки обычно остаются сгоревшие и полусгоревшие частицы топлива и костей в виде пятна серо-пепельного цвета размерами превышающими площадь фронтального сечения трупа и мощная прослойка прокаленного грунта под ним. Но судя по описанию, здесь было обнаружено лишь несколько «зольных пятен-следов костра». Во вторых, при расчистке «кремационной площадки» и развала «амфор-урн» почти не было обнаружено обгоревших костей, что возможно лишь при воздействии на труп высокой температуры (пламени) при достаточно длительной экспозиции, в результате чего образуется остаток в виде костной золы. Однако необходимые для этого условия в ограниченном пространстве подземного склепа, к тому же на тот момент частично заполненного натечным грунтом, создать было невозможно. Настораживает и отсутствие погребального инвентаря, обычно довольно многочисленного в кремационных захоронениях Северского Донца, Кубани и Черноморья.

Согласиться с исследователем можно в одном - склеп действительно был вторично использован в раннее средневековье, но на наш взгляд, уже как жилище. В таком случае обнаруженные здесь зольные пятна и особенно те из них, которые были обложены камнями, следует интерпретировать как очаги. С их функционированием несомненно связаны и другие, упомянутые выше, следы горения.

Длительное время вероятность подобного использования склепов можно было рассматривать лишь гипотетически. Однако, совсем недавно на Кыз-

кульском некрополе был исследован позднеантичный склеп, две камеры и проем которого дважды, в конце IV-VI и в VIII-IX вв., приспособивались под жилые и хозяйственные помещения [Федосеев, Ермолин, Куликов, Пономарев 2001, с. 58-63]. В связанных с этими периодами горизонтах были выявлены очаги (?), зерновые ямы, жернов, ступа-крупорушка и многочисленная керамика. В стенах склепа были вырублены углубления с перемычкой для привязи мелкого рогатого скота.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, говорить о погребениях совершенных по обряду кремации применительно к тюрко-болгарам, населявшим Керченский полуостров в VIII-IX вв., на наш взгляд, преждевременно. Однако другие рассмотренные нами погребальные памятники не менее полно и ярко отражают сложную и многообразную систему их традиционных религиозных представлений, верований и обрядов. Столь же отчетливо прослеживается влияние христианской идеологии, непрерывно возраставшее на мировоззрение тюрко-болгар, что отразилось и на их погребальном обряде.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
 Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
 Алабуга З.Х. Палеосоциология аланской религии VII-IX вв. (по материалам амулетов из каткомбинных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. 2001. № 2.
 Алексеев В.А. Археологические свидетельства о культе черепа в культурах каменного века Евразии // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Тез. докл. конф. Л., 1990.
 Алексеев В.А. Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев юго-западной Азии // Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. СПб., 1994. Вып. 3.
 Антонова Е.В. О характеристике религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии // Культура и искусство народа Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
 Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев востока. М., 1990.
 Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
 Баранина Н.И. Археологические свидетельства пребывания хазар на Мангупе // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Тез. докл. VIII научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1995а.
 Баранина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Симферополь, 1995б. № 27.
 Баранина Н.И. Особенности погребального обряда на некрополе Мангупской базилики // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Междунар. Крымская конф. по религиоведению. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2001.
 Березовец Д.Т., Пархоменко О.В. Салтовская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.
 Блаватский В.Д. Раскопки Пантикалея в 1953 г. // КСИИМК. 1956. Вып. 63.
 Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Пантикалея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 1962. №103.
 Вейсмант Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
 Гадзо А.В. Южное Приазовье в период Хазарского Каганата. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о южном Приазовье VIII-X вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1969.
 Габдулелиш В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. 1958. №85.
 Габдулелиш В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.

- Грач Н.Л. Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973-1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Сборник научных трудов. Л., 1989.
 Зилько В.Н. Отчет о работе Керченской охранно-археологической экспедиции в 1993 г. // НА КФ ИА НАНУ. 1994а.
 Зилько В.Н. Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселении Героевка-2 и Героевка-6 // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1994б.
 Зилько В.Н. Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму 1993 год. Симферополь, 1994в.
 Зилько В.Н. Отчет о работе Боспорской охранно-археологической экспедиции в 1994 г. // НА КФ ИА НАНУ. 1995.
 Зилько В.Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым. Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1997а.
 Зилько В.Н. Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму 1994 год. Симферополь, 1997б.
 Зилько В.Н. Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
 Зилько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
 Калинина Т.М. Верования населения Крыма хазарской эпохи и вопрос веротерпимости у хазар // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Междунар. Крымская конф. по религиоведению. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2001.
 Крижевская Л.Я. Погребальные животные как форма проявления первобытных верований // Реконструкция древних верований: Источники, метод, цель. Тез. докл. конф. Л., 1990.
 Кропоткин В.В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // СА. 1959. №1.
 Кубланов М.М. Новые памятники некрополя Илурата // КСИА. 1976. Вып. 145.
 Кубланов М.М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1983.
 Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
 Майко В.В., Фарбой О.М. Христианизация тюрко-болгар Крыма в свете археологических данных (на примере похоронного обряда) // Археология. 1995. №4.
 Магистров Н.А. Южный Урал в VII-XIV веках. М., 1977.
 Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
 Марти Ю.Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // МИА. 1941. №4.
 Маслеников А.А., Бердникова Л.А. Раскопки в районе с. Золотое на Керченском полуострове // АО 1976 года. М., 1977.
 Маслеников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
 Носенко Е.З. Представления кельтов о загробном мире // ВДИ. 1990. №3.
 Ольховский В.С., Петерс Б.Г. Раннесредневековые материалы Михайловского археологического комплекса в Крыму // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
 Петерс Б.Г. О работах Михайловской экспедиции (1963-1983 гг.) // КСИА. 1985. Вып. 182.
 Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-Маяцкая культура // МИА. 1967. №142.
 Плетнева С.А. Салтово-Маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
 Пономарев Л.Ю. О некоторых погребальных обрядах населения Керченского полуострова в VIII-IX вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001а.
 Пономарев Л.Ю. Новый раннесредневековый могильник в окрестностях Керчи // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы междунар. науч. конф. посвященной 10-летию независимости Украины. Харьков, 2001б.
 Пономарев Л.Ю. Салтовский ритуальный комплекс в окрестностях Тиритаки // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Междунар. Крымская конф. по религиоведению. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2001в.

- Пыцкий А.В., Таробатов В.А. Кремированные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. Керчь, 1996.
- Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. №2.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Савинюк А.В. Хронология цитадели Баклинского городища IX-XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
- Савинюк А.В. Культ животных в религиях. М., 1972.
- Сорокин Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
- Туманов И.А., Христовский В.А. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. Материалы науч. конф. СПб., 1994.
- Федосеев Н.Ф., Ермошин А.Л., Куликов А.В., Пономарев Л.Ю. Жилой комплекс на Кыз-аульском некрополе (предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы междунар. конф. Керчь, 2001.
- Флорин В.С. Памятники неолита и средневековья в Приазовье // АО 1970 года. М., 1971а.
- Флорин В.С. Поселение 8-9 вв. у ст. Богоявленская // СА. 1971б. №2.
- Флорин В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского Каганата. Волгоград, 1993.
- Флорин В.С. Общинное хранилище (к проблеме социальных отношений в Хазарском Каганате) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Тез. докл. Самара, 1995.
- Флорин В.С. Разрушенные скелеты на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Флорин В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
- Флорина В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. 2001. №2.
- Холодков В.Н. Раннесредневековый некрополь в селе Ново-Николаевка Ленинского района Крымской области // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984.
- Чибаров Л.А. Аграрные истоки культа животных у осетин // СЭ. 1983. №1.
- Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Шутки Ю.П. К вопросу о криминальном сожжении трупов // Судебная медицина и реаниматология. Казань, 1969.

PONOMAREOV L. YU.

SALTOVO-MAYAK FUNERAL MONUMENTS OF THE KERCH PENINSULA

Summary

Saltovo-Mayak (Turk-Bulgarian) funeral monuments dating back to the second half of the 8th-9th centuries, found during several decades on the territory of the Kerch peninsula are considered in this article.

The majority of them were presented by small country cemeteries, burials there were accomplished in plate graves according to Christian rite. Introduction of this group of monuments into scientific sphere testifies to the belief of numerous researchers that Christian ideology started to penetrate the wide layers of the Turk-Bulgarian population of the Eastern Crimea.

At the same time, some other burial monuments give evidence that during the whole epoch under consideration the Turk-Bulgarians continued to observe their traditional beliefs and rituals. Among such monuments, bi-ritual cemetery Eltigen-I is of particular interest. During the excavation works among plate Christian burials there were graves with the traces of neutralizing the deceased.

ПУБЛИКАЦИИ

А. В. ГАВРИЛОВ

УКРЕПЛЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ В БЛИЖНИХ ОКРЕСТНОСТЯХ ФЕОДОСИИ

Возникнув во второй половине VI в. до н.э., Феодосия более ста лет развивалась как независимый полис. В течение V в. до н.э. увеличилось население города, были установлены торговые связи с Афинами и другими полисами античного мира, освоена сельская округа [Гаврилов 1999]. К концу V в. до н.э. экономический потенциал полиса возрос настолько, что городская община Феодосии была в состоянии строить крепостные стены и монументальные здания, чеканила собственную монету [Зеест 1951, с. 185-190; Зеест 1953, с. 143-148; Петерс 1976, с. 377; Петерс 1977, с. 353; Петерс и др. 1978, с. 373; Петерс 1979, с. 326; Петерс 1984, с. 63; Петерс, Голениов 1981, с. 68; Мельников 2000, с. 208; Петрова 2000]. В начале IV в. до н.э. полис смог противостоять Боспору, оказав ему упорное и длительное сопротивление.

На начальном этапе своего существования Феодосия имела городскую хору («политике»), которая, очевидно, была небольшой, на расстоянии нескольких километров от города [Кругликова 1984, с. 160]. Учитывая особенное месторасположение полиса, где подходившие к нему с юга и юго-запада отроги хребта Тете не давали возможности развивать пашенное земледелие, можно предположить, что под этот вид деятельности в первую очередь использовались ближайшие земли, расположенные к северо-западу — северо-востоку от современной Карантинной горки, на которой располагалась античная Феодосия. Эта территория характеризуется более спокойным рельефом и в настоящее время занята городскими постройками, поэтому найти здесь ранние загородные усадьбы и наделы эллинов чрезвычайно трудно. Возможно, их остатки будут когда-нибудь выявлены при строительных работах, что позволит более детально изучить и воссоздать этот период истории Феодосии. Однако, нельзя исключать, что таких усадеб не существовало, так как незначительная удаленность наделов от города позволяла владельцам обрабатывать их в течение светового дня, а на ночь возвращаться под защиту крепостных стен. Например, такая ситуация прослеживается на ближней хоре Тиры и Никония [Охотников 1990, с. 67], Керкинитиды [Ланцов 1991, с. 77; Кутайсов 1992, с. 56, 57] и Калос Лимена [Щеглов 1976, с. 92].

Какова была площадь первоначальной хоры города установить сейчас трудно. Исходя из имеющихся аналогий, можно предположить, что она равнялась